

Российско-германские отношения (август 1939 — июнь 1941). «Смена вех» в теории, идеологии и пропаганде

А. О. Чубарьян*

Полный драматизма и сложных переплетений период с конца августа 1939 до июня 1941 г. сопровождался существенными изменениями в теоретических построениях и в идеологическом обосновании советской внешней политики. Общая тенденция к сближению с Германией, наблюдавшаяся еще с весны–лета 1939 г., до начала сентября почти не отразилась на направленности советской пропаганды и на объяснении мирового развития и международных отношений.

По-прежнему основным постулатом советских оценок было осуждение фашизма, который рассматривался как главная опасность для мира и для построения социализма в Советском Союзе. Общие оценки немецкого фашизма как порождения монополистической буржуазии и ударной силы международного империализма как главного врага трудящихся, закрепленные во многих документах партии большевиков и в решениях Коминтерна, сохраняли свою силу и направленность.

Одновременно, хотя порой и с несколько меньшим нажимом, шла критика и так называемых демократических режимов, прежде всего Англии и Франции, которые рассматривались такими же противниками рабочего класса всего мира. В условиях проходивших летом 1939 г. политических и военных переговоров между представителями Советского Союза, Англии и Франции накал пропагандистских выступлений против этих стран был несколько снижен, но, подчеркнем это особо, общие оценки империализма, его агрессивной антинародной сущности и необходимость борьбы с ним по всем направлениям оставались основополагающими линиями советской теоретической мысли и идеологии. Они вытекали из идей мировой революции, проводились после 1917 г.,

были снова провозглашены в начале 1930-х гг., после прихода нацистов к власти в Германии и неоднократно подтверждались в решениях партийных съездов, в выступлениях Сталина и других руководителей партии и страны.

Важным постулатом советской внешнеполитической теории и пропаганды была идея об СССР как «осажденной крепости», существовавшей во враждебном капиталистическом окружении. И при всех изменениях в конкретной внешней политике, в оценке тех или иных буржуазных партий и их лидеров эти общие линии сохранились.

Однако после некоторой переоценки событий, связанных с приходом фашизма к власти в Германии, VII конгресс Коминтерна, в соответствии с решениями Политбюро ЦК ВКП(б) несколько сместив акценты в критике социал-демократии и левых, выдвинул идею Народного фронта. Имелось в виду, что это станет средством объединения более широких сил в борьбе против угрозы фашизма.

Эти направления большевистской теории и практики отражали сталинскую интерпретацию идеологии мировой революции и национальные задачи строительства социализма и коммунизма в Советском Союзе. Анализ статей и выступлений И. В. Сталина 1920–1930-х гг. дает основания заключить, что для него (может быть, во многом в отличие от В. И. Ленина и ряда других сталинских соратников) практика и идеология интернационализма и коммунизма во многих случаях являлись скорее средством, чем целью, а на первое место выдвигались идеи национализма и прагматических национальных интересов.

Постоянный дуализм идеологии интернационализма и реальных интересов, характерный для советской теории и практики, как правило, разрешался

* Александр Оганович Чубарьян — академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН.

в пользу *real politic*. Но при этом, разумеется, разнообразие зигзагов в советской внешней политике всегда мотивировались общими соображениями борьбы с империализмом и буржуазной идеологией. Большевики никогда не посягали на «священные постулаты», связанные с критикой империализма, а в 1930-е гг. и фашизма как его главной ударной силы. Любые отклонения от этих принципиальных установок рассматривались как «ревизионистские» или «антипартийные», и те, кто следовал этой «ревизии», подвергались осуждениям или преследованиям.

Прежде чем перейти к рассмотрению событий, связанных с подписанием договора с Германией, отметим, что в советской идеологии и международно-политической практике со времен Ленина и в годы правления Сталина либерально-демократические и социал-демократические режимы часто вызывали у большевиков большее отторжение и неприятие, чем «правые» и авторитарные режимы. Постулаты о постоянных кризисах империализма, об обострении его внутренних противоречий занимали важное место в советской идеологии и пропаганде. Уверенность в конечной победе социализма базировалась, прежде всего, именно на доказательствах внутренней слабости империализма. Фактически в довоенное время отсутствовала идея о расширении зоны победившего социализма за счет каких-либо конкретных соседних или иных территорий. Коминтерн ориентировал коммунистические партии на работу по разложению капиталистических режимов в своих странах, на разоблачение их антинародной сущности. Преобладающее направление всей деятельности Коминтерна состояло в поддержке Советского Союза, его общей международной линии и конкретных внешнеполитических мероприятий.

В то же время еще со времен революции 1917 г. и времен Раппало германофильские настроения были довольно распространенными в кругах советской элиты. Но в условиях поворота к критике фашизма советские политики и идеологи усилили осуждение антинародной сущности германского национал-социализма и его идеологии, экспансионистского характера германского империализма.

В плане идеологического воздействия на население в 1930-е гг. в советской пропаганде преобладала также идея о возможной войне, в которой Советскому Союзу, вероятно, придется участвовать. Собственно она вытекала из положения о том, что СССР в любой момент мог подвергнуться нападению, поэтому всячески осуждались пацифизм и притупление бдительности.

Но одновременно советские люди воспитывались в уверенности в силе и мощи социалистического государства, способного дать отпор любому агрессору. Для закрепления этой уверенности использовались и исторический опыт, и традиции русского прошлого, когда нападавшие на Россию терпели по-

ражение. Героизм и самоотверженность советских людей пропагандировались в художественной литературе и в искусстве.

В связи с этим отметим, что в современной исторической литературе уже длительное время ведутся острые дискуссии о том, была ли советская стратегия наступательной или преследовала оборонительные цели. С точки зрения идеологии эти споры представляются во многом надуманными. Советская идеологическая доктрина постоянно исходила из наступательной стратегии. В теоретических трудах, как правило, говорилось, что критика капитализма должна вестись в наступательном духе, в постоянном и активном разоблачении всех проявлений империализма.

С началом 1930-х гг. неперенным атрибутом этих разоблачений была критика фашизма, его идеологии и практики. От каждого советского коммуниста и от всех коммунистических партий требовались активные действия, направленные на раскрытие достижений социалистической страны и на анализ глубоких противоречий и кризисов стран капитала и всей системы империализма.

В теоретическом багаже компартий было также обоснование глубоких противоречий между различными капиталистическими государствами, между «буржуазными силами» и группами и необходимости использования этих противоречий в интересах социалистического Советского Союза и коммунистического движения в целом.

Все эти концепции рассматривались как незыблемые, вытекающие из общих положений марксизма-ленинизма, и из конкретной ситуации в мире в 1930-е гг.

* * *

Уместен вопрос, в какой мере и каким образом изменились советская стратегия и идеология после подписания советско-германского договора о ненападении вместе с приложениями от 23 августа 1939 г. В данной постановке содержится и другой вопрос — готовилось ли советское руководство к столь решительной «смене вех» и ориентиров.

Представляется очевидным, что, несмотря на поворот Москвы в сторону сближения с Германией, который обозначался еще весной и летом 1939 г., он не давал советским лидерам оснований для какого-либо пересмотра их теоретических и идеологических позиций. Было неясно, во что выльются советско-германские контакты, к тому же продолжались тройственные переговоры между Советским Союзом, Англией и Францией. Поэтому идеологические органы (пресса, научные издания, кино, устная пропаганда) по-прежнему следовали той же линии, которая была взята из 1930-х гг. и которая базировалась на постоянных стереотипах социалистической теории.

Выше отмечалось, что как само подписание договора, так и особенно секретные приложения к нему были в известном смысле неожиданными для Стали-

на и его соратников. Им требовалось несколько дней, а может быть, и недель интенсивной работы, чтобы определить направления своей внешнеполитической деятельности. В первые недели выработка линии поведения определялась как долгосрочными целями, так и сугубо прагматическими задачами момента. В еще большей степени это касалось теории и идеологии. Любые кардинальные перемены требуют, как правило, длительного времени для переосмысления.

То, что произошло в коридорах Кремля в сентябре–октябре 1939 г., показывает, что советское руководство в принципе было готово к новой стратегии в теоретической и идеологической областях. Видимо, постепенно взяв курс на поворот в сторону Германии, Сталин продумывал влияние этого поворота и на область теории и идеологии. Но как, и в какой форме это произойдет, стало очевидным, видимо, лишь после интенсивных обсуждений, начавшихся сразу же после подписания договора.

Прежде всего, кремлевский лидер стоял перед необходимостью объяснить своему народу и всему миру (главным образом коммунистическому движению) причину такого резкого поворота в сторону соглашения с фашистской Германией, разоблачение и борьба с которой были главной задачей Советского Союза, коммунистических партий и всех прогрессивных сил.

Следующий вопрос, который мог обсуждаться в Кремле, состоял в том, насколько далеко намеревались идти советские лидеры в своих отношениях с нацистской Германией. В принципе могли существовать разные варианты. Москва могла ограничиться подписанием договора с Германией (даже с соответствующими приложениями), решая главную задачу оставаться в стороне от конфликта между империалистическими странами, сохраняя контакты с Англией и Францией, и не менять общую идеологическую стратегию, лишь приглушив прежнюю антифашистскую и антигерманскую направленность. При такой постановке вопроса объяснить издержки от подписания договора мировому общественному мнению и собственному народу было бы не столь трудно.

Возможен был и другой вариант. Советская идеология приспосабливается к изменившейся обстановке (сохраняя дистанцию от нацистских теоретико-идеологических постулатов), но не дает никаких установок к перемене позиций коммунистических партий других стран и всего коммунистического движения в целом.

Но в Москве рассудили иначе, что ясно отразил сталинский подход к только что заключенному договору с Германией.

Последствия договоренностей с Берлином лишь начали проявляться, а в Кремле уже приступили к подготовке и претворению в жизнь кардинальной идеологической «смене вех». Видимо, настроения, воцарившиеся в Москве в последнюю неделю августа 1939 г., распространились и на сферу идеологии.

Первая реакция на договор произошла по линии Коминтерна, и сразу же И. В. Сталин получил сигналы о замешательстве и растерянности руководителей европейских компартий. 27 августа 1939 г. Г. Димитров и Д. Мануильский направили Сталину письмо, в котором сообщили: компартии «заняли правильные позиции поддержки советско-германского пакта». Одновременно они отмечали, что компартии, видимо, «расчитывали сочетать эту поддержку с продолжением критики фашистской агрессии»¹.

Ситуация стала еще более сложной через несколько дней, когда после нападения Германии на Польшу Англия и Франция объявили войну Германии. Естественно, что компартии должны были определяться в своей тактике отношений к собственным правительствам. Об этом запрашивали Москву лидеры Коминтерна, руководители французской и бельгийской компартий, а также английской, американской и других стран. Они должны были также реагировать на германское вторжение в Польшу, которое, судя по первой реакции компартий ряда стран Европы, были готовы осудить².

Здравый смысл должен был подсказать И. В. Сталину и Г. Димитрову, что, по крайней мере, на первых порах следовало не спешить, позволить компартиям «не терять лица» и с модификациями продолжать прежний курс. Но Димитров, как обычно, побоялся взять на себя решение вопроса и уже 5 сентября направил секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову письмо, в котором сообщал, что идет разработка документа о тактике компартий в условиях начавшейся войны, и просил о срочной встрече со Сталиным³.

7 сентября в присутствии В. М. Молотова и А. А. Жданова И. В. Сталин встретился с Г. Димитровым. Вначале Сталин повторил обычную точку зрения, что война идет между двумя группами капиталистических стран за передел мира, за господство над ним. «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не зная, подрывает капиталистическую систему»⁴. И далее: «Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались». Заявив, что пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии, Сталин намеревался в следующий момент подталкивать другую сторону⁵. В этих словах вождя не было ничего необычного. В довольно упрощенной форме (все это известно, но не из протоколов, а из «Дневника» Г. Димитрова) Сталин повторял известные положения марксизма-ленинизма об использовании межимпериалистических противоречий.

Но затем он выразил то, что стало реальной установкой и для мирового коммунистического движения, и для идеологического поворота внутри страны. И. В. Сталин заявил, что в условиях войны между империалистическими державами деление стран

на фашистские и демократические уже неправильно, и что коммунисты должны «решительно выступать против своих правительств, против войны». Он предложил снять лозунг единого народного фронта и фактически выступил за прекращение борьбы против фашизма. Особо резко советский лидер осудил Польшу, назвав ее фашистским государством, которое угнетает украинцев, белорусов и другие народы⁶.

Итак, спустя лишь две недели после подписания договора о ненападении И. В. Сталин уже выдвигал установку на прекращение критики фашизма (причем с теоретическим обоснованием), ориентируя компартии стран Европы и США на осуждение войны этих государств против Германии и на критику своих правительств. Тем самым он сталкивал компартии с общественным мнением стран Европы, давал повод обвинять их в антипатриотизме, в игнорировании национальных интересов.

Советский лидер одним махом снимал все усилия, направленные на создание единых народных фронтов и сотрудничество коммунистов и социал-демократов. Подобная тактика, помимо пренебрежения интересов и положения компартий, была в какой-то мере еще и лишена здравого смысла, отстраняя те силы в странах Европы, которые Москва при случае могла бы использовать для своих интересов в качестве противовеса Германии.

Таким же образом И. В. Сталин отказывался от возможности использования в отношениях с Германией в качестве средств нажима свои сохраняющиеся связи с Англией и Францией. А теперь он снимал и фактор общественного мнения и возможности коммунистических сил в странах Европы.

И, наконец, впервые за многие годы, И. В. Сталин начал обосновывать лозунг «расширения социализма». Вообще идея распространения мировой революции всегда присутствовала в той или иной степени в арсенале советской политики, но теперь она выдвигалась в совершенно новом контексте, в связи с подписанием советско-германского пакта.

В соответствии с установками И. В. Сталина буквально в следующие дни — 8–9 сентября была принята новая директива компартиям от имени Секретариата Исполнительного Комитета Коминтерна. Фактически документ почти дословно повторял сталинские слова, сказанные им накануне. Единственным добавлением стало предупреждение компартиям Франции, Англии, США и Бельгии, выступающим вразрез с этими установками. Им предлагалось немедленно выправить свою политическую линию⁷.

Однако некоторые компартии (Франции, Бельгии, Великобритании, Канады) не сразу полностью согласились с директивами руководства Коминтерна, продолжая отстаивать идею борьбы на два фронта. Президиум ИККИ снова вернулся к этой проблеме 19–20 октября⁸. И лишь в конце октября 1939 г. руководству Коминтерна удалось «исправить ошибки» ряда компартий.

Видимо, по согласованию с И. В. Сталиным Г. Димитров начал работу над программной статьей под названием «Война и рабочий класс», которую Сталин несколько раз правил, давая рекомендации автору статьи. Вообще-то, сам Сталин избегал каких-либо публичных выступлений (вплоть до апреля 1940 г.). Вся работа по изложению новых установок (даваемых лично им) он возложил на Г. Димитрова и В. М. Молотова.

В этот момент А. Гитлер завершил разгром Польши и обратился с предложением о заключении мира. Было совершенно очевидно, что это демагогическое заявление не имело никакого реального смысла, а было направлено на то, чтобы приглушить негативный резонанс от оккупации Польши.

Но неожиданно этот нацистский демарш привнес новые аргументы советскому руководству и для конкретных акций и для формирования нового теоретического подхода. В Москве начали усиленно пропагандировать мысль о том, что правящие круги Англии и Франции выступают против мира как главные поджигатели войны, в то время как Германия демонстрирует готовность к миру. Одновременно по прямым указаниям Сталина лидеры Коминтерна отвергли попытки германских коммунистов продолжать борьбу против нацистского режима, за народную республику⁹.

И. В. Сталин и А. А. Жданов торопили Г. Димитрова с написанием статьи, и 25 октября в Кремле состоялась повторная встреча Сталина и Жданова с Димитровым, на которой советский лидер опять разъяснял новые теоретические установки. По словам Димитрова, Сталин прямо указал ему: «Мы не будем выступать против правительств, которые за мир» (имея в виду, прежде всего, нацистскую Германию), повторив, что не следует помогать Н. Чемберлену¹⁰. Он подвел базу под свои рассуждения, заявив, что надо выдвигать только те лозунги, которые соответствуют нынешнему моменту. Стремясь подкрепить свои позиции, Сталин подверг критике позицию большевиков во время Первой мировой войны, когда ставился лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую. Он особенно акцентировал внимание на необходимость консолидации с СССР, подразумевая, прежде всего, поддержку новой советской линии в отношении Германии.

И. В. Сталин повторил этот тезис на обеде в Кремле после парада и демонстрации на Красной площади 7 ноября 1939 г. Он опять обратился к событиям Первой мировой войны, заявив, что и тогда лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую подходил только для России, а не для европейских стран. Характеризуя современную ситуацию, Сталин заявил, что «мелкобуржуазные националисты» в Германии (видимо, он имел в виду национал-социалистов) проявляют гибкость и способность на крутой поворот, они не связаны с капиталистическими традициями в отличие от

буржуазных руководителей типа Н. Чемберлена. Он призвал не держаться за прежде установленные правила и рутину, а вносить новые, что диктуется изменившимися условиями¹¹. Таким образом, советское руководство стремилось теоретически обосновать свой внешнеполитический поворот и заставить принять его коммунистическое движение, прежде всего в странах Европы.

Если беседы И. В. Сталина с Г. Димитровым, его замечания по поводу позиции Коминтерна были рассчитаны на внешний мир, то доклад В. М. Молотова на заседании Верховного Совета 31 октября делался главным образом для внутреннего потребления. Излагая внешнеполитические итоги деятельности Советского Союза в сентябре–октябре 1939 г. и высоко оценивая дружбу с Германией и сотрудничество с ней на прочной базе взаимных интересов, в том числе и после подписания договора о дружбе и границах от 28 сентября, Молотов столь же высоко оценил советские акции в отношении Польши, договора с Прибалтийскими странами.

Но глава Советского правительства и народный комиссар по иностранным делам на этом не остановился. Он фактически дословно повторил сталинские слова, сказанные во время бесед с Г. Димитровым, в частности и такие: «Старые формулы явно устарели и теперь неприменимы»¹².

Он заявил, что понятия «агрессия» и «агрессор» приобрели новый смысл и что Германия стремится к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще выступавшие против агрессии, ратуют за продолжение войны и против заключения мира. И далее он резко осуждал действия Англии и Франции в защиту Польши и т. п.

Однако глава Советского правительства и на этом не остановился. Он обратился к идеологическим проблемам и обвинил правящие круги Англии и Франции в объявлении чего-то вроде «идеологической войны» против гитлеризма (напоминающей старые религиозные войны). «Но такого рода война не имеет для себя никакого оправдания... Идеологию гитлеризма, — заявил Молотов, — как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с ней войной»¹³.

Этот пассаж советского наркома, конечно, свидетельствовал о многом. В своем стремлении оправдать внешнеполитический поворот советские лидеры перешли границы. Глава правительства и дипломатического ведомства мог защищать подписание договора и внешнеполитические акции, но брать на себя функцию защиты гитлеризма как идеологии было не просто бессмысленно и непонятно, но и крайне вредно для самого Советского Союза.

Прежде всего, напомним, что за две недели до этого, объясняя ввод советских войск в Польшу, В. М. Молотов настаивал на советской политике ней-

тралитета, а теперь он взялся защищать гитлеровскую идеологию, которую СССР клеймил по всем линиям и осуждал на всех уровнях в течение многих лет. Оправданием гитлеровской идеологии советские руководители словно нарочито противопоставляли себя всему миру и общественности стран Европы и других континентов. А главное, в этом не было никакой необходимости для конкретной советской политики.

Трудно найти этому какое-либо рациональное объяснение, тем более что в идеологии нацистского руководства не произошло такой же перемены. Конечно, из печатных изданий и в официальных речах исчезли все антисоветские и антибольшевистские клише и обвинения, но не появилось и прославление идеологической доктрины большевизма. А если такие намеки и были, то в качестве желания «подыграть» тональности, появившейся в советской пропаганде.

По линии Коминтерна в период с октября 1939 г. до примерно мая 1940 г. компартиям постоянно давались рекомендации поддерживать советские внешнеполитические акции, в том числе и позицию СССР во время зимней войны с Финляндией. Наиболее болезненным результатом были указания Коминтерна германской компартии. В конце декабря 1939 г. руководство Коминтерна направило свои соображения о «Политической платформе КП Германии», отметив, что в Германии сложились два фронта. Один — фронт господствующего режима, заключившего договор о дружбе с Советским Союзом (хотя и не гарантирующий последовательную дружбу с СССР), и второй — включающий некоторые круги буржуазии, часть католических и социал-демократических кругов. Этот фронт направлен непосредственно против пакта и против дружбы с СССР и идет «в услужение к англо-французскому военному блоку, выступая и против германского народа и против Советского Союза»¹⁴. Компартии Германии предлагалось прекратить борьбу против нацистского режима, а выступать против тех сил (по большей части умеренных кругов), которые ориентировались на англо-французский блок. Следуя этим указаниям, германские коммунисты должны были отказаться от борьбы с теми, кто организовал травлю и преследования коммунистов, кто арестовал многие тысячи активистов КПГ и держал в тюрьме генерального секретаря КПГ Э. Тельмана.

Таким образом, в своем стремлении задобрить А. Гитлера и доказать ему свою дружбу и лояльность советские лидеры были готовы даже пожертвовать делом германских коммунистов. Москва как бы расчищала для нацистского режима поле и вне, и внутри страны, облегчая ему реализацию своей программы подавления демократических сил в Германии и пропаганды идей мирового господства.

Завершая вопрос о международно-политической сфере, отметим, что крайне жесткую критику советские лидеры обрушили на деятелей социал-демократии. В статье «Война и рабочий класс», которую И. В. Сталин редактировал, Г. Димитров посвятил

специальный раздел разоблачению деятельности II Интернационала, в том числе и за прошлые прегрешения¹⁵. Главный вывод автора статьи был высказан предельно откровенно: «У коммунистов не может быть никакого единого фронта с теми, кто находится в общем фронте с империалистами и поддерживает преступную антинародную войну»¹⁶. В редакционной статье «Коммунистического Интернационала» № 5 за 1940 г. снова звучит крайне резкое по тону осуждение «вожаков социал-демократии»¹⁷.

В общую критику социал-демократии включился и В. М. Молотов. В своем докладе на заседании Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г. он в свойственном ему стиле заявил: «В яростном вое врагов Советского Союза все время выделялись визгливые голоса проституированных «социалистов» из II Интернационала... лакеев капитала, продавших себя поджигателям войны»¹⁸.

Таким образом, руководство Советского Союза и Коминтерна вернулись к практике начала 1930-х гг., когда социал-демократия была объявлена «социал-фашизмом». Ирония судьбы состояла в том, что на этот раз ее обвиняли уже не в пособничестве немецкому фашизму, а в том, что она призывала к борьбе с этим самым германским фашизмом, который превратился из главного врага в партнера Советского Союза.

Как известно, роспуск Коминтерна произошел в других условиях в 1943 г., но его действия начиная с осени 1939 г. во многом дискредитировали эту организацию в глазах мировой общественности и коммунистического движения и в значительной степени способствовали прекращению ее существования.

* * *

Все перечисленные выше мероприятия были обращены на международную сферу, но существенный идеологический поворот произошел и внутри Советского Союза.

Буквально через несколько дней после подписания советско-германского договора в центральных советских газетах появились первые комментарии, которые уже содержали непрозрачные намеки на «дружбу народов СССР и Германии». 31 августа, выступая на внеочередной сессии Верховного Совета, В. М. Молотов заявил, что ранее «были некоторые близорукие люди», которые увлекались «упрощенной антифашистской агитацией»¹⁹. Это был явный знак к переменам не только во внешнеполитической, но и в идеологической сфере. Российский историк В. А. Невежин приводит реакцию писателя И. Г. Эренбурга: «...<эти слова Молотова> меня резанули. В ту зиму мне пришлось обзавестись очками, но признать себя „близоруким“ я не мог: свежи были картины испанской войны; фашизм оставался для меня главным врагом»²⁰.

Слова, брошенные Молотовым как бы вскользь, были неслучайными. Как показали дальнейшие события, советские лидеры намечали резкий поворот во всей системе «пропаганды и агитации». Они осоз-

навали, что этот поворот вызовет непонимание у многих советских людей, поэтому-то и начиналась артподготовка к смене идеологических ориентиров.

Даже западные деятели, в том числе и германские, отмечали замешательство в различных кругах советской общественности. Об этом сообщал в Берлин германский посол Ф. Шуленбург 6 сентября 1939 г.: изменения советской политики «после нескольких лет пропаганды именно против германских агрессоров все-таки не очень хорошо понимаются населением»²¹. Об этом же писали многие зарубежные дипломаты и журналисты. А. Верт констатировал, что «миллионы русских были просто шокированы случившимся»²². При этом речь шла и о самом факте подписания договора, и о том пропагандистском фоне, который его сопровождал.

В условиях советской действительности, когда на собраниях и митингах принимались, как правило, решения, одобряющие советскую политику, в том числе и заключение договора с Германией, казалось, не могло быть и речи о какой-либо критике действий советских властей. И в этом плане чрезвычайно интересны находящиеся в РГАСПИ подборки писем трудящихся в адрес В. М. Молотова, в которых в том числе шла речь и об оценках пакта с Германией. Разумеется, для Молотова отобрали особо интересные письма, а не обычное восхваление советской политики.

Приведем лишь некоторые из писем. 24 августа 1939 г. некая Родина писала В. М. Молотову по поводу советско-германского пакта: «Договор краткий, но содержательный, но меня удивляет, почему не предусмотрен следующий пункт: «При нарушении странами ст. I, II и IV договор расторгается автоматически со дня установления прямого или косвенного его нарушения», так как всем известно, что Германия по своей дурной «привычке» использует малейшую недоговоренность»²³.

Еще более определенно высказывается рабочий из Набережных Челнов Ст. И. Панфилов, который писал Молотову 28 августа: «Договор о ненападении можно еще (условно) приветствовать, как некое болеутоляющее и обнадеживающее. О практической же пользе для нас судить подождем: не бросит ли Гитлер в нужную ему минуту этот договор в мусорный ящик, как ничего не стоящий клочок бумаги, что он неоднократно проделывал с другими, и не будет ничего удивительного, если он это проделает также и с нами. Вспомните-ка покойного Козьму Прутков, говорившего: «Единожды солгавши, кто тебе поверит!» Ломаный грош — вот цена словам таких людей, как герр Гитлер и К°.

А вот торгово-кредитное соглашение — это особая статья. Я лично думаю (более, уверен!), что этим соглашением мы поможем фашистской Германии пережить трудную для нее минуту, предоставляя ей кредит в 200 млн. марок, может быть, для закупки военного сырья. Не помогать изворачиваться да точить на нас нож надо, а бойкотировать, блокировать фашистских

каннибалов, отгородиться от них китайской стеной, рвами, колючей проволокой, рогатками, волчьими ямами. Пусть жарятся в собственном (арийском) соку. А помогать им спрыгнуть с горячей сковороды — не в наших интересах. Наоборот! Нужное же нам машинное оборудование, полагаю, могут поставить нам не хуже и не дороже, другие страны, а не только Германия.

Вот почему я отношусь к торгово-кредитному соглашению с фашистской Германией отрицательно и против его заключения протестую. Никаких подобных сделок ни с Германией, ни с Японией, ни с Италией, пока там власть в руках теперешних каннибалов! Бойкот им и эмбарго»²⁴.

Панфилов призывал «выгнать японцев со всего Дальневосточного края и ликвидировать все японские концессии на Сахалине»²⁵.

Мастер завода «Компрессор» Петров в письме, посланном после начала польского похода 19 сентября 1939 г., выражает недовольство тем, что у немцев остается часть Украины и Белоруссии, которые «Гитлер прибрал к рукам». Автор требует включения в СССР всей Галиции и Белоруссии и городов Кракова, Люблина, Брест-Литовска, Белостока, Гродно, Вильно²⁶. Ничего не зная о секретном протоколе к пакту, автор письма призывает присоединить к СССР Бессарабию и освободить «наших братьев по крови в Финляндии»²⁷. «Мнение всех, — пишет Петров, — Прибалтика должна быть наша, пусть Прибалтийские государства войдут в качестве равноправных республик в нашу семью. Не надо забывать, что много крови пролито русской за прорубание окна в Европу. Бессарабия также наша. Ждать нечего, если надо — все пойдут в большой бой»²⁸. Автор письма просит В. М. Молотова, чтобы генштаб подробнее сообщал о боях Красной Армии, о реакции на наши шаги Англии, Франции и США²⁹.

Любопытно, что все это писалось 19 сентября, т. е. до переговоров и заключения договоров со странами Прибалтики.

Комсомолец Полканов из Курска 21 сентября своеобразно откликнулся на советско-германский пакт, призывая В. М. Молотова сказать А. Гитлеру: «Если он согласен быть во всех отношениях с Советским Союзом, то надо предложить ему стать коммунистом. Ибо так или иначе земной шар должен быть в два цвета, вода — в синий, а земля — в красный»³⁰.

В своем послании некий Ведков одобряет слова В. М. Молотова о том, что СССР будет давать отпор японцам. В отношении стран Балтии он пишет: «Заключив мир с маленькими Балтийскими странами, признав их внутреннюю самостоятельность, мы отнюдь не предполагаем, что им предстоит стать очередной жертвой фашизма и трамплином для нападения на нас». Поэтому он предлагает заявить: «Посягательство на какое-либо нарушение свободы этих малых государств ни в коем случае не будет допущено. Это своевременное заявление дает возможность в будущем сэкономить не один рубль, так как

захват соседних с нами Балтийских стран потребует дополнительных расходов на вооружение»³¹.

Как видим, приведенные многочисленные письма отражают далеко неоднозначную реакцию простых советских людей на столь неожиданный поворот в советской внешней политике.

Непонимание ощущалось также среди интеллигенции, писателей, ученых и журналистов. Многие из них, видимо, не могли принять прекращение всякой критики Гитлера и Геббельса, тех самых вождей национал-социализма, против которых столько лет велась пропагандистская война.

Малейшее упоминание о Германии, даже об ее истории, фашизме в критическом плане теперь изымалось органами цензуры. Поскольку ученые и публицисты «не успели перестроиться», то из газет и журналов, из фильмов и радиопередач почти полностью исчезла германская тема. Зато в большом количестве публиковались самые разнообразные материалы, относящиеся к Англии, Франции и США, причем теперь все публикации были выдержаны в резких обличительных тонах. Ознакомление с журналами по исторической и международно-политической тематике показывает, что в конце 1939–1940 гг. в них печатались десятки статей об истории и современной политике стран Европы, Азии, Америки и Африки, но Германия почти не упоминалась. Даже в материалах с критикой колониализма ни слова не говорилось о германской политике в отношении стран Ближнего и Среднего Востока и т. п.

Поскольку все же в редакции поступали статьи, содержащие критику фашизма, пришлось вмешаться лично И. В. Сталину. Так, он имел беседу с Л. З. Мехлисом о газете «Красная Звезда», которая помещала подобные материалы, и дал указание немедленно прекратить их публикацию³².

Как всегда, в советской идеологической практике многие хотели доказать свою лояльность и явно переусердствовали в своем стремлении представить Германию как «постоянного друга Советского Союза». Уже не могло быть и речи о том, что она может быть эвентуальным противником.

После начала польских событий с ведома А. А. Жданова начали издаваться материалы, характеризующие Польшу как страну полуфашистского типа. Сам он опубликовал статью под названием «О внутренних причинах военного поражения Польши», в которой клеймил польские власти, угнетавшие людей других национальностей³³.

Представляют интерес те многочисленные директивы, которые давались руководством ВКП(б) и Главным политическим управлением Красной Армии военным округам. Практически во всех воинских частях выходили газеты. Их редакторам давались указания печатать материалы в духе общих идеологических установок. Это означало, что и в воинских частях снималась всякая критика фашизма и Германия уже не представлялась как возможный противник.

В конкретном плане подобный подход имел еще один отрицательный аспект. В армии фактически полностью прекратилось идеологическое обоснование вероятности войны с Германией. Вместо этого разворачивалась антибританская и антифранцузская пропаганда, что в военном отношении было лишено смысла, поскольку ни о каких предполагаемых военных операциях против них речь не шла.

В связи с польским походом Красной Армии в сентябре 1939 г. в советской пропаганде выдвигалась тема освободительной миссии Советского Союза. Все органы пропаганды и информации получили указание активно писать о советских воинах-освободителях, которые пришли на помощь украинцам и белорусам, живущим под гнетом польской буржуазии. И эта тема, в отличие от лозунгов, обеляющих фашизм, получила одобрение советских людей, в том числе и интеллигенции. В ряде научных трудов приведено немало высказываний и выдержек из писем участников похода в Польшу, а также советских писателей и журналистов, в которых они практически полностью одобряют и поддерживают «освободительную миссию» Советского Союза. В дальнейшем, когда из освобожденных территорий стали поступать известия о процессах советизации и коллективизации, об арестах и высылках нежелательных элементов, тон публикаций стал несколько менее восторженным, но в целом идея «освобождения» заняла существенное место в арсенале советской идеологии.

Явно меньший энтузиазм был проявлен по отношению «освободительной» миссии Советского Союза в Финляндии. Это было связано с сильным финским сопротивлением и большими потерями Красной Армии. Сама идея «освобождения», возможно, и получила бы большую поддержку, если бы не сопровождалась столь значительными жертвами.

В упомянутой книге В. А. Неvejeина приводятся слова ответственного редактора газеты «Красная Звезда» Е. А. Болтина о том, что войну с Финляндией мы начали под лозунгом выполнения Красной Армией ее интернациональных задач. Однако практика заставила нас убедиться, что этот лозунг, обращенный к красноармейцам, оказался неправильным, и его пришлось заменить другим, правильным — о защите северо-западных границ СССР и Ленинграда³⁴.

Идея освобождения и освободительной миссии, получившая распространение с сентября 1939 г., трансформировалась летом 1940 г. в теорию «расширения социализма». Она находилась в органической взаимосвязи с постоянным постулатом о капиталистическом окружении и о СССР как «осажденной крепости». В этом плане всякие действия по расширению зоны социализма находили понимание у советских людей.

По свидетельствам Г. Димитрова, еще в ходе беседы в ночь с 7 на 8 сентября 1939 г. И. В. Сталин заявил, что он не видит ничего плохого в «расширении социалистической системы... на новые территории и население»³⁵.

В докладе 6 ноября 1939 г. В. М. Молотов сказал, что с присоединением Западной Украины и Западной Белоруссии «капиталистическому миру пришлось потесниться и отступить, а СССР вырос на своей территории, а по количеству населения — примерно на 13 млн человек»³⁶. В следующем докладе 1 августа 1940 г. он снова вернулся к этой теме. По его словам, после вхождения Прибалтийских стран в СССР и присоединения Бессарабии и Северной Буковины население Советского Союза увеличилось на 10 млн человек, а вместе с населением Западной Украины и Западной Белоруссии — более чем на 23 млн³⁷. Молотов отметил, что большая часть всего этого населения раньше входила в состав Советского Союза, но было силой отторгнуто в момент его военной слабости империалистическими державами Запада. Теперь это население должно воссоединиться с Советским Союзом. Речь шла и о возвращении исконных земель, и о том самом расширении социализма, о котором говорили И. В. Сталин в тесном кругу еще 7–8 сентября 1939 г. и В. М. Молотов в публичных речах на сессиях Верховного Совета.

Соответственно, эта тема оставалась одной из центральных в идеологическом арсенале советской пропаганды. На совещании 9 сентября 1940 г. в связи с выходом художественного фильма «Закон жизни» И. В. Сталин заявил: «С точки зрения борьбы сил в мировом масштабе между социализмом и капитализмом СССР делает большое дело, поскольку мы (Советский Союз) расширяем фронт социализма и сокращаем фронт капитализма»³⁸.

Следует отметить, что во всей пропагандистской работе в связи с реализацией лозунга «расширения социализма» имелись, по крайней мере, две особенности. Во-первых, население, ничего не зная о секретных договоренностях с Германией, никак не связывало расширение зоны советских территорий с отношениями с Германией. Во-вторых, в силу этого курса на полное замалчивание военной угрозы со стороны Германии советские идеологи не могли использовать тезис о значении присоединяемых территорий в плане противодействия германскому продвижению на восток (на что советские дипломаты постоянно намекали в беседах с представителями Великобритании и других стран).

Примерно с весны 1940 г. в советско-германских отношениях начали сказываться первые признаки напряженности. Как мы знаем, сначала они затронули экономическую сферу, где обе стороны проявляли недовольство взаимным исполнением принятых на себя обязательств. В частных беседах советские руководители разных рангов все чаще выражали недовольство действиями Германии и намекали, что она остается потенциальным противником Советского Союза. И хотя пресса и научные журналы продолжали следовать линии, намеченной в сентябре–октябре

1939 г., тон научных и пропагандистских материалов стал более сдержанным.

Прежняя эйфория в Кремле явно отходила на второй план. Уже не было восхвалений фашистской идеологии и тем более гитлеризма. Участились случаи, когда обобщенная безымянная критика империализма могла подразумевать и Великобританию, и Германию. В. А. Невежин приводит пример, когда И. В. Сталин говорил в марте 1940 г. советскому генералу Петрову: «Учтите: договор с Германией, хотя мы и подписали, но фашистская Германия была и остается нашим злейшим врагом»³⁹.

Весной 1940 г. Москву посетила известная польская писательница В. Василевская. В беседе с ней И. В. Сталин заявил 28 июня 1940 г., что война с немцами начнется «рано или поздно»⁴⁰.

И таких заявлений, намеков или полунамеков становилось летом 1940 г. все больше. Совершенно ясно, что советские деятели разных рангов (писатели, ученые, служащие наркоматов, руководители средств информации) могли это делать лишь при одном условии — они знали о настроениях в Кремле. И хотя не было никаких специальных постановлений по этому поводу, но разными способами и В. М. Молотов, и А. А. Жданов и, наконец, сам И. В. Сталин выражали растущее недовольство Москвы поведением германских лидеров, которые по всем линиям демонстрировали явные препятствия для реализации экономических связей и осуществляли самостоятельные (без консультации с Москвой) действия в разных регионах мира. Беспокойство значительно возросло после молниеносного разгрома Франции, когда рухнули надежды Сталина на длительный конфликт Германии с ее противниками в Европе.

Аналогичные тенденции стали заметны и в действиях Коминтерна. Анализ многочисленных документов Коминтерна показывает, что летом 1940 г. проявились признаки его переориентации. 8 июня 1940 г. в директивах компартии Голландии давались рекомендации усилить сопротивление германской оккупации. Аналогичные советы направлялись другим компартиям⁴¹.

Значительные дискуссии проходили в Коминтерне в связи с выработкой новой позиции французской компартии. После многочисленных согласований с Москвой было определено, что продолжающаяся борьба с собственной буржуазией должна увязываться с борьбой против иноземных (т. е. немецких) захватчиков.

Интересна оценка момента, данная германскими коммунистами 24 мая 1940 г. Уже говорилось (явно с согласия Москвы) об империалистическом насилии со стороны германской буржуазии, о сочувствии германских коммунистов народам Дании, Норвегии, Бельгии, Люксембурга, поработанному польскому, чешскому и австрийскому народам⁴².

В ряде документов компартий сохранялись резкие оценки деятельности британских и французских правящих кругов, но теперь они сочетались (чего не

разрешалось ранее) с явной критикой германского империализма и его оккупационной политики. В ноябре 1940 г. Г. Димитров говорил В. М. Молотову: «Мы взяли курс на разложение оккупационных немецких войск в разных странах». Он спрашивал Молотова, не помешает ли это советской политике, на что получил ответ: «Конечно, это надо делать. Мы не были бы коммунисты, если не вели бы такой курс. Только это надо делать без шума»⁴³.

В это же время Москва стала использовать Коминтерн и для осуждения политики Германии, например, в связи со вторым венским арбитражем и германской политикой на Балканах⁴⁴.

Любопытно и то, что в ряде документов Коминтерна в конце 1940 — начала 1941 г. снова ставился вопрос о возможности создания национальных антифашистских фронтов. При этом речь шла об Италии, Франции и, может быть, других странах⁴⁵.

После неудачи визита В. М. Молотова в Берлин тенденции к критике Германии возросли⁴⁶. Примером использования идеологического давления на немцев может служить история с публикацией в газете «Труд» в январе 1941 г. статей немецкого писателя Л. Фейхтвангера, известного своим критическим отношением к нацизму. Этим Москва хотела показать свое недовольство позицией германских представителей на торговых переговорах между СССР и Германией. Известен, в том числе и по дипломатическим каналам, факт недовольства ведомств Геббельса этой советской публикацией. По этой или по другой причине, но немцы в итоге заняли на переговорах более примирительную позицию, а публикация Фейхтвангера была немедленно приостановлена⁴⁷.

Следует особенно подчеркнуть, что многие указанные действия (и со стороны Коминтерна, и в советских идеологических и пропагандистских органах) иллюстрировали признаки отрезвления советских лидеров, их постепенный, хотя и весьма ограниченный и осторожный отход от прежней линии на дружбу с Германией, на оправдание фашизма и его идеологии, на отказ от любой критики фашизма (его идеологии, оккупационной практики), на прекращение любой критики германских действий. Но все это было скрыто от общественности. Конечно, сведения об этих переменах доходили до германского руководства. Но оно, как правило, не реагировало на поступающую информацию, видимо, потому, что в Берлине уже приняли решение готовить войну против Советского Союза.

В публичном же плане в советской пропаганде прогерманская линия полностью не прекратилась. По-прежнему материалы о Германии (в том числе и об ее истории) публиковались в малой степени и в весьма общем и примирительном духе. Но все же хвалебный тон этих материалов был явно снижен. Недовольство в Кремле некоторыми действиями Германии, ее нежелание считаться с советскими интересами влияли на содержание и формы советской пропаганды и агитации.

Советская элита получала с лета–осени 1940 г. сигналы, которые несколько разрушали дружественный прогерманский стереотип, созданный осенью 1939 г. Это еще не вылилось в «образ будущего врага», но появились намеки, которые шли в этом направлении. Они разрушали миф о «вечной и нерушимой советско-германской дружбе и сотрудничестве». Однако для миллионов советских людей по-прежнему помещались оптимистические статьи в прессе, шли радиопередачи о высоком уровне политических и экономических связей с Германией. Во всяком случае, после победных отчетов и докладов о росте силы и могущества Советского Союза не могло возникнуть больших сомнений в правильности и успехах советского внешнеполитического курса на развитие сотрудничества и дружбы с нацистской Германией.

- ¹ Коминтерн и Вторая мировая война: В 2 ч. М., 1994. Ч. 1. С. 71.
- ² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 2. Л. 15–17, 30.
- ³ Там же. Оп. 18. Д. 1292. Л. 8–9.
- ⁴ The Diary of Georgi Dimitrov. New Haven, 2003. P. 115–116; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. С. 88.
- ⁵ The Diary of Georgi Dimitrov. P. 11.
- ⁶ Ibid. P. 10–11.
- ⁷ Ibid. P. 88–89.
- ⁸ Ibid. P. 141–143.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid. P. 184–185.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Правда. 1939. 1 ноября.
- ¹³ Коммунистический Интернационал. 1939. № 8–9. С. 11.
- ¹⁴ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. С. 218–226.
- ¹⁵ Коммунистический Интернационал. 1939. № 8–9. С. 32.
- ¹⁶ Там же. С. 33.
- ¹⁷ Там же. 1940. № 5. С. 7.
- ¹⁸ Там же. 1940. № 3–4. С. 6.
- ¹⁹ Правда. 1939. 1 сентября.
- ²⁰ Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. Воспоминания: В 3 т. М., 1990. Т. 2. С. 204; Невежин В. А. Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев». 1939–1941 гг. М., 1997. С. 55.
- ²¹ Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. L., 1937–1995. Vol. 8. P. 12.
- ²² Цит. по: Невежин А. В. Указ. соч. С. 55.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 110. Л. 66.
- ²⁴ Там же. Л. 149 об.
- ²⁵ Там же. Л. 148.
- ²⁶ Там же. Л. 145 об.
- ²⁷ Там же. Л. 144.
- ²⁸ Там же. Л. 144 об.
- ²⁹ Там же. Л. 147.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Д. 67. Л. 83.
- ³² Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: В 2 кн. М., 1989. Кн. 1. Ч. 2. С. 131–132; Невежин В. А. Указ. соч. С. 57.
- ³³ Правда. 1939. 14 сентября.
- ³⁴ См.: Невежин В. А. Указ. соч.
- ³⁵ The Diary of Georgi Dimitrov. P. 182.
- ³⁶ Правда. 1939. 8 ноября.
- ³⁷ Коммунистический Интернационал. 1940. № 7. С. 7.
- ³⁸ См.: Невежин В. А. Указ. соч.
- ³⁹ Там же. С. 129.
- ⁴⁰ Отечественная история. 1998. № 4. С. 19–31.
- ⁴¹ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. С. 356, 357–367.
- ⁴² Там же. С. 347–352.
- ⁴³ Там же. С. 40.
- ⁴⁴ Там же. С. 411–412, 343.
- ⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1331. Л. 89; Оп. 10а. Д. 124. Л. 2–3; О некоторых новых тенденциях в деятельности Коминтерна в начале 1941 г. см.: Bayerlein В. Н. «Der Verräter, Stalin, bist Du!». Vom Ende der linken Solidarität Komintern und kommunistische Parteien im Zweiten Weltkrieg 1939–1941. Berlin, 2008. S. 320–326.
- ⁴⁶ Подробнее об этом см. в заключительном разделе «Канун трагедии».
- ⁴⁷ Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 98–118; Невежин В. А. Указ. соч. С. 129–130.